КАК СЛАДКУЮ ПЕСНЮ ОТЧИЗНЫ МОЕЙ, ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ!
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Литературный КАВКАЗ

№3 (10)
Март, 2012

ИЗДАНИЕ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ КАВКАЗА

Газета распространяется в городах: Краснодар, Майкоп, Черкесск, Нальчик, Магас, Грозный, Махачкала, Баку, Ереван

КЛАССИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР КАВКАЗА

АНХИЛ МАРИН
(аварская поэтесса)

Держать всё равно мне пред Богом ответ.
Приди, яснооkий, и, чтоб ни случилось,
Сольёмся с тобой мы, забыв целый свет,
А после сдадимся разлуке на милость.

Запомним навеки те вешние дни,
Когда мы бросались в объятья друг другу,
И гурии нас окружали одни,
Стремясь оказать нам любую услугу.

Пусть белую грудь мою змеи пронзят,
Что жарко дышала любовью земною,
За то, что был страстным очей моих взгляд,
Пускай их засыплют сырою землёю…

РАИСА АХМАТОВА (чеченская поэтесса)

Всё в жизни мне давалось нелегко,
Но я всегда трудом брала преграды.
И в косы пережитое легло
Сединкою, как высшею наградой.

Я много плакала. Мне слабость не чужда.
Я человек: он плачет и смеётся.
Но я боролась с бурями всегда
И сквозь туманы шла навстречу солнцу.

Я огорченьям счёта не вела.
Я падала и поднималась снова.
Я просто не запоминаю зла
И крепко помню дружеское слово…

Дорогие читательницы, поздравляем вас с

8 МАРТА

Великий кавказец Шота Руставели сказал:

По-арабски однозвучны и «безумен» и «влюблён»:
Кто влюблён и кто безумен – тщетной грёзой омрачён,
Кто возносится любовью – тронет дланью небосклон,
Кто телесным очарован – крылья к травам клонит он.

Это сказано о вас, дорогие женщины. И никто с тех пор не осмеливается оспорить истинность этого сакрального во все времена чувства. Не Ева была виновата в том, что Адам соблазнился и тем самым не побоялся быть изгнанным из рая. Виновата была сама красота. Природа, окружающая нас, даровала живому существу чувства, которые никогда не были рукотворными, а являлись порождением души и сердца всяк живущих на земле.

Девочка, девушка, женщина, мать, сестра, бабушка – это слова, носители которых являются стержнем всего сущего. Поэтому мы поклоняемся вам, дорогие женщины, не только в день весенний – 8 Марта, а живёте вы в сердцах наших беспрерывно от 8-го до 8-го, от 8-ми до 8-ми. Другого трудно себе представить под солнцем и луной. Художники становились выдающимися только тогда, когда они могли точно переносить на холст женские линии. Кто сегодня может сосчитать, сколько художников восхищались Данаей и пытались запечатлеть образ земной красоты, при этом восхищаясь каждый по-своему. Но все картины оказывались восхитительными и подчёркивали зрелость художника, которая подвигала их потом на создание других природных шедевров.

Всё это вы, милые женщины, носительницы в себе весеннего настроения и летом, и зимой, и осенью, ночью, и днём, толкая мужчин на неслыханные подвиги. Вы, чтобы сохранить свою честь для единственного, без колебаний бросались в пропасть с головокружительных высот, вонзали в сердце нож или ножницы, ждали любимых до последнего часа. То были и есть уроки верности и преданности даже для мужчин, рождённых, казалось бы, для свершения героических поступков ради единой любимой, ради матери-Родины, во имя спасения основы жизни на Земле. Суровы законы гор для мужчин: не прощать обидчиков матери, сестры, жены. Это тоже в определённом смысле есть преданность однажды данному слову своей земле, большой и малой родине, которые держатся на материнской, женской любви, а потому охраняемые и лелеемые мужчинами.

Мы любим вас, дорогие женщины, во всякие времена. Вы всепогодны. Всевременны. Вы вечны. И мы очень хотим, чтобы с ваших лиц не сходила улыбка и в будни и в праздники. Цветов вы достойны во все дни в году. Но каждый раз наступает один, обязятельный для всех мужчин в году, день, когда мы должны дарить вам цветы. И самое трудное в этот день – выбрать такие цветы, которые бы очаровали вас. Потому что вы и есть цветы, и иногда становится непонятно, вы украшаете цветы или они украшают вас. Но женщина с цветами в руках и ребёнком в коляске – в природе всегда новы и красивы. Вот на этом единстве и держится мир. Вам же известно, дорогие жденщины, что великий жтвописец Пиросмани стал нищщим, продав всё состояние для того, чтобы купть алые розы любимой. Он стал нищим материально, но неслыханно богатым душой. Меджнуны покоряли пустыни, пробивали гранитные скалы, переплывали океаны ради любимых, ради того, чтобы заслужить ваш внимание, пропадали в непреходимых дунглях ради любимых. Иначе говоря, вы наше всё! Скажу больше: все народы, испытавшие тяжкие годы изгнания из родных мест, лишённые родного языка, вековых обычаев, традиций, сохранили себя и свое человеческое достоинство. И в этом мы все видим бесценные заслуги наших женщин (см. Стихи Райисы Ахматовой).

Сегодня жизнь не очень располагает к радости. Но видя вас улыбающимися, мы забываем обо всех тяжких испытаниях времени. И хочется жить. Радовать вас и получать в ответ сияние ваших глаз (см. стихи Анхил Марин).

С праздником, дорогие женщины Кавказа! Женщины-члены Клуба писателей Кавказа, творите во имя нас! А мы вас не подведём! И судите нас по кодексу любви, как сказал наш великий современник Расул Гамзатов.

Мужская половина Клуба писателей Кавказа.

Сирень, любимая сирень,
у нас с тобою век
короткий…

Моё сиреневое счастье

Сирень

Опять взметнулась ввысь
сирень!
Вслед – чувства, вместе с нею,
рвутся
туда, где прошлого
лишь тень,
откуда счастью
не вернуться.
Мечты божественный
полёт –
я верю в чудо раз,
весною:
когда во всю сирень
цветёт,
мне снится – счастье вновь
со мною!

Аромат сирени

Такая тишина,
едва слышна капель.
И вновь спешит луна
в сиреневый апрель.
Особенный в ночи-
аромат сирени.
И сердце так стучит
от соловьиной трели.

Весенний звездопад
сиреневым дождём
безмолвно, невпопад,
сияет за окном.
Особенный в ночи-
аромат сирени.
такая боль в груди
от соловьиной трели.

Полночная луна
и звёздная игра.
Сирени у окна-
волнуют до утра.
Особенный в ночи-
аромат сирени.
Симфония звучит
той соловьиной трели.

Снег в апреле на сирени

Снег в апреле
на сирени –
за душу берёт!
В час вечерний
несравненный
аромат плывёт.
Знаю точно,
полуночно
буду я бродить
По аллее,
всё пьянея,
рифмы находить.
Зов сирени
и капели –
чувства теребит.
Видно, это -
та соната,
что в душе звенит.
В час рассветный
луч заветный
только заблестит-
От сирени,
нежной тенью,
прочь ручей бежит.
Пахнет следом
талым снегом-
чуда больше нет.
Только в лужах
листья кружат
и - сирени цвет…

Берега

Лёд сковал берега
одинокие,
что казались когда-то
высокими.
и река неподвижная,
мёртвая,
безучастная, льдами
затёртая.
До чего же судьба
переменчива,
что ласкалась вчера
беззастенчиво?!
Ну, скажи мне, река,
говорливая!...
А в ответ – тишина
молчаливая.

УВЛЕЧЕНИЯ

(Отрывок из романа «Дорога домой»)

В конце лета и начале осени клиника все еще была полупустой, и после работы большая часть дня была сво-бодна. Узнав о моих ежедневных походах в библиотеку иностранной литературы, Индира проявила неожиданный, ненавязчивый интерес, и мои одинокие поездки, непонятные для окружающих медиков, были встречены ею с восторженным энтузиазмом.

Я заказывала «Мир как воля и представление», Индира - «Диалектику природы», которую усердно конспектировала, и вскоре ее высокие татарские скулы начинали нежно розоветь от усердия. Здесь, под гулкими сводами, невидимыми вследствие своей заоблачной высоты, поселился мой личный ангел, который дарил отдохновение особого рода, похожее на своеобразный старт к полету.

В юности моя горячая любовь к книгам не шла ни в какое сравнение с апатичным чувством, которое внушалось мне реальностью. Глубокая тоска, с которой я близоруко всматривалась в действительность, искала за ее пределами что-то более значимое и яркое. Самым глубинным, интимным переживанием всей моей жизни была неспособность принять единственную сюжетную линию собственного существования. Она была из серии моей застаревшей страсти «всегда быть повсюду». Ее же можно было обозначить примерно как «быть одновременно всеми и всем». Из энного числа возможностей я каждый раз вынуждена была выбирать только одно единственное решение, не зная наперед, к чему оно в конечном итоге меня приведет. Я каждый раз мучилась убежденностью, что поступи я иначе, все могло бы быть гораздо лучше или интереснее. Так было до тех пор, пока я не наткнулась на книгу Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» (или «Homo faber», точно не помню), где главный герой, получив редкую возможность прожить свою жизнь заново, проживает ее точно так же, как первый раз, несмотря на заведомое знание всех последствий. Таким образом, я получила сносное доказательство фатальной заданности одинокой линии любой жизни.

Я с медлительным упоением погружалась в атмосферу текстов, проживая их глубже и острее обыденной жизни. Если мои нормальные жизнерадостные ровесники говорили, например: «Такое-то важное событие случилось летом или осенью», то я говорила: «То-то и то-то случилось, когда я читала Герберта Уэллса или Джека Лондона». Позже, оценив собственную странность, я пыталась привязывать течение моего времени к общепринятым и давно утвержденным хронологическим рамкам, но неизменно путалась, и меня тактично поправляли, удивляясь моей слабой памяти. Про себя же я так и осталась в подчинении у своих литературных часов.

Я по-новому открывала для себя Россию - величественную и непостижимую, когда в течение нескольких лет переживала эпоху Льва Толстого, и неповторимые русские времена года Тургенева, и несравненный период Бунина, протекавший под знаменем одной его фразы, ставшей моей:

Я человек,
Как бог, я обречен
Познать тоску всех стран,
И всех, и всех времен.

Случалось каждому из нас

Настал волшебный южный вечер
Горят в притихшем доме свечи.
Её охваченный волненьем,
Он ожидает с нетерпеньем.

Она, как ангел, в дом впорхнула,
Взглянула на него, вздохнула,
Взлетели ласточки-ресницы…
Подумал он: «Мне это снится!»

Сидят они вдвоем, молчат,
Сердца их бешено стучат.
И эта ночь, и этот миг
Зачаровали будто их.

Вдруг прозвучал аккорд из сада –
О боже – «Лунная соната!..»
Он вмиг бокал свой осушил
И схватил ее и …закружил…

Представить встречи продолженье
Поможет вам воображенье –
Случалось каждому из нас
Со сказкой встретиться хоть раз!

Там, где сны берут начало

Там, где сны берут начало,
В этой дальней стране,
Я звала тебя, кричала –
Ты не отозвался мне.

Знаю, надо мне смириться –
Так положено судьбой.
Было б проще раствориться
В облаках и мне с тобой.

Просто, это так жестоко
Без тебя жить на земле.
Просто, страшно одиноко
Жить одной в туманной мгле.

Прячу в роще свои слёзы –
Шепчут мне наперебой
Ивы, белые берёзы:
«Не печалься, мы с тобой».

Шумят ветра

Моя любовь – как раненая птица –
Ей не подняться в небо без крыла –
Теперь она в душе моей гнездится,
Чтоб я на свете за двоих жила…

Моя любовь – мой путь в лучах недолгий…
Я – дерево, подвластное ветрам…
И счастья прежнего хрустальные осколки,
Собрав в ладони, отношу в свой храм.

Шумят ветра. Потоки селевые
По склонам лет несутся, грохоча.
Лечу я в храме точки болевые,
Здесь нахожу духовного Врача.

Здесь через призму Чистого Кристалла
На мир несовершенный я смотрю.
Любовь моя другого свойства стала –
Теперь её я страждущим дарю.

СТИХИ О ЛЮБВИ

Мурадин Ольмезов – балкарский поэт и драматург, родился 20 марта 1949 года в с. Эрназар Талды-Курганской обл. Казахской ССР, куда были депортированы в 1944 году, как и весь балкарский народ, его родители. После реабилитации балкарского народа в 1958 г. семья Мурадина возвращается на родину – в Кабардино-Балкарию. Окончил Литературный институт им. Горького в Москве. Долгое время работал в системе горно-лыжного туризма в Приэльбрусье. В настоящее время он является ответственным секретарем литературно-художественного журнала «Минги Тау - Эльбрус». Перу М. Ольмезова принадлежат 14 книг стихов, поэм, сказок и драм. Он перевел на балкарский язык и издал отдельной книгой рубаи великого Омара Хайяма (Нальчик, 2002). В 2000 году М,Ольмезов удостоен Государственной премии КБР в области литературы и искусства. Он участник Международного театрального фестиваля «Кавказ – гора языков» (Париж, 17–20 ноября 2003 г.). А его пьеса «Тахир и Зухра» на II фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ» (Владикавказ, 2002), была признана лучшей национальной пьесой. В 2008 году пьеса М. Ольмезова «Кровь и пепел» («LE SANG ET LA CENDRE») издана отдельной книгой на французском языке в Париже. Член Союза писателей СССР. Живет в Нальчике.

* * *

Ожидая тебя, я устал, истомился смертельно.

Озираясь, приметил я дерево на берегу:
вижу, ветер, такой же усталый, улегся на ветви,
рядом птица присела, тумана лохмотья повисли.

Голубыми, прозрачными, перышка легче словами
на бумаге то дерево бережно запечатлел:
ветерок растворил я в лучах золотистого света
и, смешав его с собственной речью, сумел воссоздать
я в тетради его целиком – перенес всё до ветки.

Ожидая тебя, я устал, ну когда же ты вспомнишь…

Растворив птичьи трели в зарницах на краешке неба,
подмешал синих слов – и на дереве выросли листья.
Настоящее дерево машет ветвями с бумаги.

Ожидая тебя, я устал. Нет мне жизни, родная!

А теперь нарисую дорогу, дорогу разлуки –
та завистница злая тебя у меня забрала,
уведя за собою в обманные дальние дали.

Наберу желтых слов и с курлыканьем грустным смешаю
журавлей, от родимой земли улетающих прочь.

Ожидая тебя, я устал. Так убей же надежду!

Нет! Надежда умрет – и сгорит мое дерево тут же,
не дожив и до осени: сердце его разорвется.

Лучше слов наберу я крылатых, с сиянием Божьим
их смешаю – и трепетный тот ветерок нарисую,
что запутался в прядях твоих и не хочет наружу.

Ожидая тебя, я безмерно устал, дорогая.

* * *

Весною
ночь звездами пахнет.

Лежит она, вся разметавшись,
и снится ей ласковый ветер –
глаза у него голубые, –
который, как фокусник, быстро
и с легкостью освобождают
ее от всего, чем укрыта
ее драгоценная сущность, –
стыдливости, скромности,
платья…

Сияют горячие груди
сквозь длинные темные пряди.
И дождь, удивительно теплый
и лунному свету подобный,
ей плечи и сонные руки,
и бедра, и грудь, что трепещет,
сияя сквозь темные пряди,
касаньями нежными гладит.
А ветер, охальник и ухарь,
целует ей плечи и груди,
и губы, что чуть приоткрыты,
и в лоно ее проникает…
Лежит она, вся разметавшись,
убитая страстью нездешней
и радуясь собственной смерти.

Ночь звездами пахнет
весною.

* * *

Нагое море, разбежавшись,
нагую девушку хватает,
но пальцы скользкие не могут
на скользкой коже удержаться
и вновь срываются оплошно.

А девушка глядит в даль моря.

Как птица, что в силки попала,
так ветер в прядях золотистых
все мечется, но безуспешно –
ему не выбраться наружу.

А солнце нежными лучами
златоволосую ласкает,
ее просоленные плечи
целует ласково и долго.

Она стоит и молча смотрит
на горизонт, где море с небом
слились в объятье осторожном.

Ей дела нет до волн, до солнца,
до ветерка, что в прядях бился,
а ныне выбрался оттуда
и меж грудей гнездо свивает,
которые и сами гнезда
для грез любовных и томленья.

Она стоит и молча смотрит
на горизонт, где непременно
шелк парусов возникнет алых.

Я знаю – скоро он возникнет.

* * *

Не одни только крылья у ветра –
у него есть огромное сердце,
шар воздушный, что летом
наполнен
добротой, а зимою – лишь
злобой.

Но о том, что у ветра есть губы,
есть отчаянно страстные руки
и бездонные синие очи, –
я об этом узнал лишь сегодня
от тебя, дорогая шалунья!

* * *

Я обидел тебя. Я, наверно,
был с тобою немыслимо грубым,
потому что слова, словно птицы,
с уст моих улетели… Куда?

Вот обида прошла. Ты, как прежде,
весела и красива, подобно
после бури пронесшейся – солнцу,
после лютых морозов – весне.

Не могу я сказать: «Моя радость!
До чего ты сегодня прекрасна!»

Не могу рассказать тебе сказку,
сочиненную мной для того
малыша, что еще не родился,
для того, кто бессчетные годы
нас с тобой так настойчиво ищет,
чтобы в мир наш однажды прийти.

Не могу я промолвить отныне
ни полслова, ни четверти даже –
все слова, как осенние птицы,
улетели незнамо куда.

А любимая не понимает,
да и как ей понять, моей милой,
почему я гляжу так печально,
почему постоянно молчу.

А слова мои, все разноперы,
порасселись на ветках деревьев –
тех, чьи листья давно улетели, –
и в окно мое нагло галдят:
улететь им? А может, вернуться?
Возвратиться ко мне? Улететь?

* * *

Ни блага не желай, ни зла –
ничем не победить остуду,
ничем не возвратить тепла.
Сегодня я тебя забуду.

Права ты или не права,
уже не повториться чуду.
Твои медовые слова
я все равно навек забуду.

Не надо, пальцы теребя,
меня разжалобить пытаться.
Пойми: забуду я тебя,
пойми: пришла пора расстаться.

Ни блага не желай, ни зла –
все решено судьбою мудро.
Не возродить ничем тепла –
тебя забуду я… Наутро.

* * *

Ну вот и новая зима!
Я без зимы сходил с ума,
я думал: может, ты сама
мне лишь приснилась?
Но – запорошены поля…
Вот ива, вся из хрусталя…
И снег идет, опять суля
мне сделать милость!

Я помню: ты была легка,
как облачко… Издалека
приди скорей ко мне, пока
наш снег кружится.
Взгляни-ка: снова из-за туч,
как бабочка, трепещет луч!
Неужто наш потерян ключ?
Долой, граница!

Приди скорей издалека,
светла, как снег, как снег, мягка!
К тебе протянута рука,
но ты незрима.
Вот, вижу, девушка идет,
похожа на тебя, да вот
беда: меня не узнает,
проходит мимо…

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Я рыщу одиноким волком
среди лесов, распадков, гор,
высматривая хищным оком
себе добычу с давних пор.
Волк одинокий, не желаю
твоих касаться нежных губ –
ведь сам доподлинно я знаю,
как необуздан, грозен, груб.

Волк одинокий, жутко вою
по мрачным зимним вечерам.
Я сам тому не рад порою,
что псов тревожу по дворам.
Напуганы, как страшной сказкой,
скулят они, поджав хвосты…
Я не хочу своею лаской
навек твои спалить мечты!

Твой образ сердце рвет на части,
жизнь в одиночестве – тюрьма…
Но если дам тебе я счастье,
оно сведет тебя с ума.
Я – волк в любое из мгновений,
непостижим я и жесток.
Не от моих прикосновений
ты распахнешься, как цветок.

Ты рождена морской волною
и горным ветром голубым.
Вовек не быть тебе со мною,
такие помыслы – что дым.
Я не хочу, чтоб на рассвете
запев любви твоей умолк.
Я на другой живу планете,
я – только одинокий волк…

* * *

На берегу – потаенное место…

Девочка, платье короткое скинув,
в теплую воду вбегает, нагая.

Груди ее переполнены солнцем –
взор ослепляют они зеркалами
мальчику, что, обмирая в засаде,
смотрит на девочку, завороженный.

Не шелохнуться бы, думает мальчик,
если спугну ее – будет как в сказке:
вмиг обратится она в голубицу…

И улетит, опереньем блистая!

* * *

Я свирель разломал – ту, в которой
пела музыка звезд и соцветий.
Ухожу я навек, потому что
в этом мире убили любовь.

Этот мир стал немым и холодным,
стал глухим он – и серым – и сирым,
как замерзшее зимнее небо,
отраженное в стылом пруду,
а игривые волны морские
превратились в барханы пустыни.

Ухожу я. Я здесь не останусь –
в этом мире убили любовь,
пристрелили ее словно песню,
только рана не кровоточила –
на застывшие в ужасе травы
изливался божественный свет.
Здесь убили любовь, пристрелили,
словно радугу в небе, и утро
разлетелось на кучу осколков,
как стекло ветровое, а солнце
занавесилось тучами в страхе.

Я свирель разломал свою ныне –
в этом мире убили любовь.

Переводы Г.Яропольского

Между чувством и словом

Откуда пришла,
мечта моя, птица?
Из мглы приплыла,
чтоб мне воплотиться?

Порою тверда,
порою – вся в шоке,
припомню ль когда
свои я истоки?

Мечта на мой путь
свой свет излучает –
души моей суть
судьба изучает.

Легкость

Легкость, пленившая душу,
как же ты кстати пришла!
Я твой покой не нарушу,
ласкова буду, мила.

Вместе с тобой буду греться,
только огонь разожгу.
Жить мне веленьями сердца –
лишь перед ним я в долгу.

Все мне откроются звуки –
буду я те отбирать,
что мне дадут из разлуки
вызволить счастье опять.

* * *

Мечты, что светла,
вовек не разрушу.
Два нежных крыла
врачуют мне душу.

А коль отлетит,
забудет, забросит –
душа заболит,
застонет, заропщет.

* * *

Дай колоску свое промолвить слово –
ему голубка век внимать готова.

Сама ж она, воркуя неустанно,
слух услаждает статного платана.

Шуршание листвы платана-друга
рад услыхать пьянящий ветер с юга.

От посвиста порхающего ветра
в восторге все животные, наверно.

Из всех существ, что есть на белом свете,
одно лишь не взволнуют звуки эти.

Лишь одному его дороже торба…
И это – человек, как ни прискорбно!

* * *

Как хочу,
все, что видится мне, назову,
как хочу,
так слова и расставлю.
И во сне они служат мне,
и наяву,
все вбирая –
восторг ли, растраву.

Я порой их зажму,
как слепец, в кулаке,
а порой,
словно зернышки птицам,
все рассыплю –
и дальше бегу налегке
по пронизанным солнцем
страницам…

Мне так нравится!
Пусть – после многих потерь,
ныне все возмещаю
потери;
чем ответить,
я знаю отлично теперь,
теням тем,
что тягаться б хотели.

Нет тех дней, когда я,
злые слезы тая,
могла стыть,
оробев перед далью…
Между чувством и словом –
лишь ветер, а я
как коня,
его лихо седлаю!

Из книги «Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе»

Сегодня мир находится в процессе огромных перемен во взаимоотношениях между народами. С одной стороны, после того, как распалось единое союзное пространство и на его территории образовалось пятнадцать независимых государств, разноязычные культуры (в их числе и литература) както меньше стали интересоваться друг другом, ослабло внимание к переводной литературе. Тиражи переводных книг лучших национальных писателей уменьшились в десятки и сотни раз. Резко упал интерес и к переводу русской литературы, уступив первенство англоязычной.

С другой стороны, в условиях плюрализма и изобилия нынешнего российского книжного рынка, когда на первый план вышли рыночные отношения, и из-за отмены идеологической цензуры в Россию свободно хлынул поток бульварной и всякой другой третьесортной литературы, вместе с этим открылся и свободный доступ ко всем сокровищам мирового искусства, мировой литературы. Встала проблема перевода не только с языков малых народов России и народов бывшего Союза на русский, но и на все другие языки мира: на английский, французский, испанский, немецкий и др. И наоборот: ведь речь идет не об одностороннем интересе, а прежде всего, обоюдности, двустороннем переводе.

На современном этапе преобладают две крайние точки зрения по этому вопросу: первая - состоялся праведный расчет с тоталитарным советским прошлым в сфере не только политической и экономической, но и в сфере духовной; в том числе и с тем, что называлось «единством многонациональной советской литературы».

Вторая точка зрения состоит в том, что ее представители искренне сожалеют о распаде былого общего культурного пространства, межлитературной общности входивших в нее народов, разбежавшихся сегодня по своим «национальным квартирам» и ведущих сепаратное существование.

***

Мой мир – дыхание степи,
Что от забот черна:
Зимой буран, а летом – пыль,
И осенью – дожди.
Но свой порог переступив,
Останусь я верна
Крутым ветрам, что гнут ковыль,
Рождая миражи.
Мой мир – цветение степи,
Когда от долгих снов
Она проснется, окропит
Свое лицо росой,
И в травы, косы распустив,
Оденется весной.
Румянец маков озарит
Наряд ее простой.
Мой мир – бессмертие степи,
Неповторимость дней.
Седая вечность тех дорог,
Что меж полей бегут.
Незащищенность тишины
И таинство огней,
Манящих вдаль. И никогда
Они мне не солгут.

Надежда

Я столько лет не видела тепла.
Давно забыла, что такое лето.
Морской водой соленой жизнь текла
Сквозь пальцы дней без радости и света.
И каждый день был сумрачен и пуст
Бежало мне отпущенное время.
А я жила, не размыкая уст,
Не замерзая и других не грея.
Но все же где-то в глубине души,
На самом дне, средь холода и тлена
Еще жива надежда. Отыщи,
Согрей ее и уведи из плена.

Романс

Во мне скрываются два «я».
К самой себе тебя ревную.
Ночная женщина твоя
Так непохожа на дневную.
Ночная женщина нежна,
Дневная – посох твой дорожный.
Которая тебе нужна,
И кто из нас тебе дороже?
Днем безнадежен твой поход
Когда забыт тобою посох.
И невозможен твой полет
В ночи без глаз моих раскосых.
Во мне опоры ищешь днем,
А ночью ждешь тепла и света.
Я напою тебя огнем,
Я остужу тебя советом.
Ты сам немного удивлен,
Что столько сил во мне таится.
Я стерегу твой чуткий сон,
Согрев дыханием ресницы.
Пусть все печали отболят,
Растают тихо… Утром зыбким
Поймаю и пойму твой взгляд
И затаенную улыбку.
Скажи, что я тебе нужна,
Меня оставить невозможно.
Ночная женщина нежна,
Дневная женщина надежна.
И пусть живут во мне два «я»,
Тебя друг к другу не ревнуя.
Ночная женщина твоя
Да не затмит собой дневную.

СОВРЕМЕННАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ПРОЗА КАК ИСТОЧНИК ЭТНОМЕНТАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

(отрывок из статьи)

В бешеном ускорении ассимиляционных процессов, ведущих к потере языка, традиций, а значит, и к исчезновению с пестрой этнической карты планеты чеченской национальности, видят писатели одно из пагубных последствий военного кризиса конца XX – начала XXI вв. в Чечне. Они указывают на необходимость сохранения особого склада жизни и мысли чеченцев, требующего при любых обстоятельствах не выходить за рамки традиционной нравственной системы, сложившейся в течение тысячелетий.

Чеченские писатели демонстрируют, что глубинную сущность национального характера даже трагедия подобного масштаба уничтожить не в силах. В духовных составляющих нации, основанных на традиционных этических нормах гIиллакхоьздангалла , а также в религии как нравственном стержне человека чеченские прозаики видят причины, позволившие чеченцам перенести ад несправедливой войны. И она воспринимается не как наказание, а как возможность очищения – исходя из религиозных представлений о духовных испытаниях. Военная проза чеченских авторов характеризуется поиском национальной перспективы, в ней исследуется онтологический код национального характера. С этой целью в ряде произведений Мусы Ахмадова, Мусы Бексултанова появляется идеальный герой, который наделяется определенными ментальными чертами, характерными для героев чеченских илли . Это позволяет в пределах вымышленного художественного мира подвергнуть данные идеальные черты чеченского менталитета испытанию условиями военного времени и определить возможные пути и средства духовно-нравственной эволюции этноса. Выход за рамки традиционного миропонимания чеченцев, образующегося из двух составляющих – чувства ответственности и ощущения постоянного нахождения в ценностной системе своего народа, по убеждению чеченских писателей, неминуемо приводит к катаклизмам.

В невидимом эфире…

Живу давно в своем особом мире,
Несовместимом с серою средой;
Уютно мне в невидимом эфире,
Где может обрести душа покой.

Обитель дышит умиротворением,
Лазурный свод, навеянный теплом,
Не тяготит ни болью, ни смятеньем,
Ни мыслями о бытие земном

Там нет закатов, лишь алеют зори,
Ласкает россыпь солнечных лучей,
Высвечивая радужно узоры,
Рассеивая темноту ночей.

Но срок уединенья ограничен
И бремя суеты опять зовет;
О … как же ненавязчив и привычен
Сознанья независимый полет!

* * *

В комнате тень бродила
Под бой старинных часов;
Всем сердцем сердце любила,
Закрытое на засов.

Как будто вместились годы
В последние несколько дней…
Сиявшие радугой своды
Стали градом камней;

Без суеты притихла,
Сжалась в нервный комок…
В мыслях носилось вихрем:
« На что ты меня обрек? »

Выпадет боль в осадок,
Сердце покой обретет;
Сколько еще разгадок
Жизнь преподнесет?

Души половина

Хотела вернуться к себе…
Оказалось, это непросто;
Словно непрошенной гостьей
В собственной стала судьбе.

Нрав у судьбы такой:
Душами резво играет,
И тяжело отпускает
То, что уносит покой.

Мнимого счастья полны
Были сердец устремления;
Ныне зависло смятение
Гребнем грустной волны

Застыла под той волной
Одинокой души половина,
К уходящей невозмутимо
Половине взывая другой.

Хотела вернуться к себе…
Оказалось, это непросто;

Словно непрошенной гостьей
В собственной стала судьбе.

Еще бы двадцать или восемнадцать,
Или пятнадцать лет бы прожила,
И я бы может быть смогла признаться,
Как я хотела твоего тепла!

Как я мечтала посидеть с тобою
Ночь напролет все не смыкая глаз,
Не сокрушаться сложною судьбою,
Боготворить твой каждый день и час.

Как я хотела поклониться низко,
Твои в морщинах руки целовать...

Я опоздала — очень поздно слишком!
...Больница, капельница, медсестра, кровать,

Открой глаза! Скажи, что все прощаешь!
Что любишь старшую свою ты дочь!
Скажи, что хочешь жить, не умираешь,
Что будет день... Не уходи ты в ночь!..

...Зачем по сердил- -лезвием прощанья,
Что мной обещано и в жизни не сбылось?
Тебе — покой, а мне — воспоминанья...
Зачем навеки мы с тобою врозь?..

Каприз

Мы сидели за партой одной,
А потом был у нас выпускной.
То ли в шутку, то ли всерьез
Ты мне задал сложный вопрос:
«Есть у вас, несравненная мисс
Самый дерзкий и странный каприз?
Может, реку в грозу переплыть,
Или чем-то еще удивить?
Может быть, принести эдельвейс-
Самый важный цветок для невест?»
Посмотрела: мальчишка совсем,
Разве он удивит меня чем?
И не надо меня провожать,
Ни к чему мой каприз выполнять…

…Пролетели, как птицы, года...

***

Никогда не останавливайтесь у подножия горы, которую следует преодолеть. Крохи сомнений следует растопить как несколько снежинок в летний день, и - вперед! Если нет под рукой ледоруба, страховочной веревки или темных очков, не пугайтесь - это все преодолевается практически на полувздохе. Только попробуете начать движение вверх, как тут же найдутся доброхоты, что и советом и делом помогут, и будут уверять вас в вечной преданности, любви и дружбе, но здесь стоп. Просьба не обольщаться. Достижение вершины ознаменовано не только положительными, очень яркими и праздничными эмоциями, но и чревато грустными последствиями. Тут уж, постарайтесь не зевать, не расслабляться и не позволить столкнуть себя с достигнутых вершин. Вы будете неприятно удивлены происшедшими с вашими спутниками метаморфозами. И взгляд у них стал не столь доброжелательным, и за использование инвентаря такие счета предъявляются, что впору половину экспедиции на Луну оплатить. Сколько найдется в мире людей, которые бы не ревновали нашего героя ни к покоренной вершине, ни к славе, которая не свалилась на его плечи как снежный ком, а появилась как Афродита, из пены морской, из трудов праведных, тяжелых, многочасовых репитиций. Но эта, подводная часть айсберга не столь хорошо видна. Яркая мишура надводной части затмевает все.

***

В жизни каждого человека наступает момент истины. Главное, чтобы они встретились и узнали друг друга. Истина может рядиться в разные одежды. Очень важно не бросаться как в омут с головой за одетой в дорогие парчовые хитоны, а присмотреться, быть может, главная истина в холщовом одеянии, почти что в рубище. Не надо позволять себе высокомерный тон по отношению к ней. Никто не знает, где, на каком пути могут смениться действующие лица и кому достанется главная роль в спектакле жизни. Если человек твердо усвоил истину о том, что всего в жизни можно достигнуть только тогда, когда труд станет твоим верным спутником. Причем, не просто «обязаловка» от звонка до звонка, а ежеминутный, ежесекундный процесс, наверное, это и есть трудовой подвиг . Он не позволял своей душе лениться, и это дало свои плоды вкушать которые намного приятнее, чем быть милой серостью.

***

Не буди меня, мама
– хотя б это небо
Взорвалось на куски –
Миллионы,
Острых, как
Сталь.

Не буди, дай дожить
Этот сон –
Без тревог и тоски –
Как бы ни было
Всех нас
Жаль.

Я в кино –
Здесь имею право
На хэппи-энд –
Это, знаешь,
Такой голливудский
Бренд.
Не буди. Погоди.
Там, в реале,
Пунктиром
Слово «конец» –
Выбивает
Свинец.

Вижу сон:
Вижу небо –
Оно кипит.
Ветер бьется
В окно:
Стекло звенит.

Стаи черных ворон
Над домом моим
Кружат.
Кричат:
«Проснись,
открой глаза!
Это война!»

-Вставай же! Скорее!
Спускайся в подвал!
- Что? Где туфли?
- Вон там! Левее!
- Да где же,
Черт бы их побрал…
«Что за гул?»
- Я сейчас!..
Да сейчас я!
«Прямо как на стадионе
«Динамо»…
Боже.
Боже!
Это не сон?
– Ты… убила меня,
Мама!

***

Тоска – антиматерия,
Дыра,
Неумолимо, медленно
И жутко
Затягивающая
Первое, второе «я» -
До помрачения рассудка.

Протягиваю руки
В пустоту,
И боль отчаянно
Вплетаю в паутинки
Из слов –
Трепещущие на ветру…
Но утешения
Уже не нахожу.

Уж не осталось
Камня у реки…
А круговерть листвы
Взмывает ввысь –
К Творцу.

И только капли
Дождевой воды,
С небес срываясь, -
Прямо по лицу…

Туманная ночь

(эссе)

Серой сетью облака небо занавесили.

Бледной рыбой свысока просвечивает сквозь рваный невод туч жёлтая Луна.

В её призрачном свете все окружающие предметы: дома, заборы, кусты, деревья обретают иные очертания и отбрасывают длинные бесформенные тени.

В обволакивающей тишине даже крадущиеся шаги по песчаной дорожке отдаются в голове гулким эхом. Кажется, что кто-то идёт следом и пристально смотрит в затылок, заставляя оглянуться.

Никого. Лишь ночь, тишина и попавшая в сети грустная Лунища.

При полном безветрии вдруг потянуло по земле влажным холодком.

От ручья, из низины по пологому лугу медленно ползёт вверх, стелется и колышется голубовато-серая бесформенная масса. Она двигается с едва уловимым шорохом.

Туман, словно живой, извивается, вздыхает и что-то шепчет.

Он ползёт тихо, но упорно, обтекая препятствия, оставляя на них тающие сизые клочья, протягивая во все стороны призрачные щупальца, словно цепляясь ими за каждый выступ, травинку, веточку, скрывая всё под своей непрозрачной подвижной пеленой…

От его неуклонного движения, шорохов и вздохов пробегает по спине холодок. Серая медуза тумана обволакивает ноги и двигается дальше, оставив посреди дрожащего живого покрывала.

От этой скрывающей поверхность массы закрадывается в душу страх и трудно сделать первый шаг. Туман словно не хочет отпускать из себя то, что захватил в своё серое тело.

Он цепляется за ноги, за одежду, отрывая от себя полупрозрачные лохмотья.

медленно отступает, словно сожалея об упущенной добыче…

Постепенно отступает и ночь…

Медленно светает. Лёгкий свежий ветерок прилетает из-за леса.

И пелена тумана испуганно съёживается под его дуновениями, расплёскивается брызгами и клочьями и пятится, опускается назад, в низину, к ольховым зарослям, к журчащему ручью. И, словно опечаленный этим уходом, туман оставляет после себя повсюду чистые капли слёз…

Из разорванного ветерком облачного невода уплывает бледная рыба-Луна.

А восточный край горизонта окрашивается розовым светом. Эта алая кайма всё расширяется и поднимается ввысь.

А потом вспыхивает слепящими солнечными лучами.

И весь луг, и кусты, и деревья, заплаканные туманом, вспыхивают, искрятся и переливаются бриллиантовыми каплями слёз-росинок.

Рассвет гонит прочь остатки тумана и ночных страхов.

Солнце взошло!

Гармония

Гармония – природы совершенство.
Тот счастлив, кто гармонии достиг,
Он ощущает вечности блаженство
И ценит этого блаженства миг.

В гармонии – волшебный танец красок
Стремится на изящный натюрморт,
В ней что-то от уснувших легких сказок,
Пришедших с кораблем в любимый порт.

С гармонией дружны любые музы,
Как с небом звезды, бледная луна.
И разрубить нельзя гордиев узел,
Где нет гармонии и глохнет тишина.

Гармония прекрасней Афродиты,
Из пены платье тоже ей к лицу.
В гармонии рождаются молитвы
Невесты, торопящейся к венцу.

Музыка!

Дарует музыка смятенье,
Пообещает нам полет.
Спасибо, что сейчас рожденье
Прекрасного произойдет!

Игра ее столь филигранна,
К душе любой найдет смычок,
В ней нет ни фальши, ни обмана,
Рекой весеннею течет.

О! Как изящно, виртуозно
Улыбки соберет в букет.
Час для кого-то станет звездным,
Что вспомнит через много лет.

Она - голубкой в поднебесье
Взовьется к белым облакам,
Но в увертюре или песне-
Она - целительный бальзам!

Порхает музыка по душам,
Ей, дирижеру, все под стать.
И кто ее умеет слушать,
Над миром будет он летать!

Под кленом

Замрите
Под сенью большого нескучного клена,
Простите
Того, кто казался влюбленным.

Прильните
К нему на мгновенье, не боле.
Снимите
С себя одиночества боли.

Спасите
Его поцелуем горчащим.
Твердите
«Кто жаждет, надежду обрящет».

Ищите
Слова те, что сердце ласкают.
Наитью
Волшебные струны любви помогают.

Мама, прости!

Мне прощенья уже не вымолить,
И не бить поясных поклонов.
Я касаюсь губами имени,
Чтоб о мамочке милой вспомнить.

Как хотела, чтоб было получше,
Получалось все наоборот.
Я припомню тяжелый случай
И нерадостный грустный год.

Ты в больнице. Инфаркт долечивать
Приходилось в реанимации.
Не скажу, что была беспечною,
Я прошла непростые инстанции.

Но просила мамочка просто:
«Посиди, не спеши уходить!».
Я твердила: « Еще вопросы,
Те, которые нужно решить».

И спешила опять из палаты,
Про лекарства, уколы решать.
Не всегда торопилась обратно.
Только мама умела ждать.

«Ты пришла?»,-и улыбка светилась ,
И сверкали слезою глаза.
Сколько раз ты мне мамочка снилась!
Я спешу… Торопиться нельзя.

ДОБРЫМ ПУТЁМ АЛЛАХ ПРАВИТ

Балкарская сказка

В древнем ауле Куним, у добрых родителей росла дочь красавица. В семье девочка была младшей, звали её Кюльджан. Родители очень любили ласковую дочь, а братья никому не давали сестру в обиду, стояли за неё горой.

Быстро летели годы. Родители состарились. Предчувствуя близкую кончину, позвали сыновей и строго наказали, чтобы после их смерти, они заботились о сестре. Сыновья дали слово и, достойно проводили в последний путь родителей.

Братья занялись охотой, а Кюльджан прибиралась по дому, готовила пищу. Когда на зорьке братья отправлялись на охоту, сестра провожала их и напутствовала:

- Счастливый путь вам, мои братья родные! Пусть Аллах поможет вам, и охота будет удачной!

- Спасибо, сестра! Если нам повезёт, то мы обязательно привезём тебе подарки.

Кюльджан долго стояла на крыльце и смотрела вслед. Она молила доброго Аллаха, чтобы помог братьям, защитил от когтей и клыков свирепых зверей.

Обычно с охоты братья возвращались весёлые и довольные. На вырученные деньги, от продажи добычи, покупали сестре подарки.

Но скоро пришло время, и братья один за другим женились. Но вот беда, жёны им достались сварливые, неряхи и лентяйки. Каждый день они ругались с мужьями, а между собой невестки жили хуже, чем собака с кошкой.

С самых первых дней женщины невзлюбили Кюльджан. А за что им было любить золовку? Ведь она им была, как бельмо на глазу. Красивая, всегда опрятная, скромная и работящая, Кюльджан вызывала ненависть у невесток. Любую работу молодая девушка делала с любовью, всё спорилось в ловких и быстрых руках!

Но самое главное, женщины не могли простить золовке, что их мужей на охоту по — прежнему провожала она, Кюльджан, а братья с охоты привозили сестре подарки. Злые невестки готовы были любыми путями сжить девушку со свету. И задумали они коварное дело.

Однажды, когда мужья ушли на охоту, они решили:

- Давай израним ножом нашего лучшего быка, - предложила одна из них, - а мужьям скажем, что такую пакость сотворила их ненаглядная сестрица Кюльджан. Ты согласна?

- Ещё бы! Ты это здорово придумала! Ох, и разгневаются наши муженьки, ведь скоро весна, надо землю пахать!

Что задумали недобрые женщины, то и сделали. Изранили лучшего быка. Истёк бык кровью и сдох.

Возвращаются братья с охоты весёлые с подарками для сестры, а жёны бегут навстречу и кричат, жалуются.

- Ах, миленькие вы наши муженёчки! Вы пять подарков накупили своей сестрице, а она только и помышляет какое зло нам сотворить. Пока вас не было, негодница, лучшего быка загубила. Идите, сами полюбуйтесь на её проделки! Не любит она ни вас, своих братьев, ни нас, ваших жён!

Переглянулись братья, но совсем не рассердились на сестру, отдали ей подарки, а своим жёнам сказали:

- Ничего, не велика беда, что пропал наш бык! Мы другого быка найдём, а вот такой сестры доброй и умной, нам нигде не сыскать!

Пуще прежнего озлобились жёны. Зубами скрипят, кулаки от ненависти сжимают, а поделать ничего не могут.

И что только не придумывали злые невестки, как не оговаривали золовку, только братья по —прежнему не чаяли в сестре души и продолжали о ней заботиться. А добрая сестра Кюльджан всё так же провожала братьев, и они привозили ей подарки.

Как —то собрались очередной раз братья на охоту. Вышла провожать их Кюльджан, а у самой лицо заплакано.

- Что с тобой сестрица? — расстроились братья, - почему ты плакала? Что случилось? — стали допытываться они.

- Ничего не случилось, любимые братья, - промолвила Кюльджан и опустила глаза, - сон мне плохой приснился, вот я и всплакнула. А вы, милые, поспешите на охоту, а то уже солнышко взошло. Да поможет вам, Аллах! — Она улыбнулась братьям, обняла, а слёзы, словно крупный горох, покатились по прекрасному лицу девушки.

В этот раз братья, как никогда, охотились долго, удача сама шла к ним в руки. Они забили много зверья, птицы. Когда глядь, а солнышко уже давным - давно за горы скрылось, время позднее. Решили братья заночевать в лесу. Прилегли, а им не спится, что —то тревожно на душе. Ворочается младший брат с боку на бок и спрашивает старшего:

- Брат, а брат, скажи мне, отчего у меня, сердце болит? Вот лежу и думаю, как — бы чего дурного не случилось с нашей сестрицей! Она у нас нежная, как голубка, кроткая и почему наши жёны её не любят?

- Не скажи брат, сам уснуть не могу, у меня тоже что —то душа не на месте.

А в это время жёны, не дождавшись мужей, позвали золовку.

- Кюльджан, а Кюльджан… давай помиримся, что нам с тобой делить? Ты уж нас прости нас, если когда мы были не правы, обидели тебя. — В два голоса ласково заворковали невестки.

— А ты, - говорит младшая невестка старшей, - иди да пожарче истопи баньку, смоем все наши соры! - и тут же схватила заранее приготовленный большой котёл и стала топить в нём воск.

Когда баня была истоплена, а воск в котле стал жидким как вода, они, притворившись добрыми и ласковыми, позвали Кюльджан.

- Пойдём с нами, помоемся, попаримся. — Они подошли к Кюльджан обняли её, взяли за руки и повели в баню.

Конечно, молодая девушка совсем не ожидала от невесток ничего дурного и пошла вместе с ними в баню.

Моются невестки, а сами перемигиваются, на Кюльджан поглядывают и приговаривают:

- Да какая же ты у нас красивая, а какие у тебя волосы густые и пушистые! Подожди, сейчас мы и тебе поможем хорошенько вымыться, а напоследок чистой тёплой водичкой окатим.

Пока старшая невестка мыла Кюльджан, младшая принесла большой котёл с растопленным воском и вылила на Кюльджан. Словно подкошенная, упала девушка а воск покрыл тонким слоем всё тело, залил уши и горло.

Обрадовались невестки, что Кюльджан не дышит, обрядили её в одежды, положили на лавку и стали дожидаться с охоты мужей.

С восходом солнца не выспавшиеся, встревоженные братья вернулись домой.

- Почему нас не встречает любимая сестра? Где она?

А навстречу бегут жёны, притворяются, что плачут и горькими слезами заливаются.

- Какое горе, какое горе! Ваша любимая сестрица упала и умерла. Мы её уже в бане вымыли и, как положено, обрядили.

Вошли братья в баню, смотрят, а их сестрица Кюльджан на лавке лежит, белым холстом укрытая. Приоткрыли они ей лицо, и показалось им, что сестра очень тихо прошептала:

- Милые братцы, защитники мои! Погубили меня ваши злые жёны.

Переглянулись братья и решили, что это им показалось.

Сделали носилки из дуба, положил на них любимую сестрицу, и отвезли в лес на перекрёсток трёх дорог. Там на поляне построили высокий помост и поставили на него носилки с Кюльджан, а рядом, как велит обычай, поставили корзины с пшеницей. Посидели, поплакали, погоревали и в большой печали вернулись домой.

А по ту сторону большого леса, за быстрой горной рекой Черек, жила старуха - вдова с единственным сыном, которого звали Бибо. Был тот Бибо большой, сильный, смелый и работящий парень, за что не возьмётся, всё у него получается.

В последнее время стал Бибо замечать, что его красивые, упитанные, важные индюки, лучше которых не было в округе, вот уже несколько дней возвращаются домой со стороны реки. Что такое? Почему? Думал —гадал парень и решил проследить за своими индюками.

Поутру вышли индюки за плетень, а Бибо за ними. Дошли индюки до берега, быстренько перешли речку в брод и очутились на другой стороне, где густой лес. Удивился Бибо, решил не терять время и тоже перейти на другой берег. Но не тут —то было! Река вдруг оказалась глубокой, быстрой и вода в ней холодной.

Нырнул Бибо, переплыл реку и, выбравшись из воды, побежал в лес. Глядит, а его индюки остановились на поляне, где три дороги сходятся. Присмотрелся Бибо, а там помост стоит, а на помосте носилки белым холстом прикрытые, рядом корзины с пшеном, которое его индюки клюют.

Подошёл Бибо к носилкам, откинул ткань, а там красавица лежит! Девушка сразу очень понравилась Бибо, и решил он, пока она спит, перенести её через реку и дома посоветоваться с матерью, что делать?

- А как же я переплыву реку с носилками, на которых лежит девушка? - растерялся Бибо. - Река быстрая, вода в ней холодная! А!… — Махнул он решительно рукой, - была, не была, попробую!

И Бибо взвалил на плечи носилки с девушкой и вошёл в полноводную реку Черек и о… это же чудо! Вода в реке вдруг стала ему только по щиколотку. Дошёл Бибо до середины реки, глянул, а вода остановилась и стоит прозрачной стеной, а внизу, у ног, и вовсе высохла. Только успел Бибо выйти из реки, как опять с рёвом понеслись бурные водные потоки.

Принёс Бибо домой носилки с девушкой и позвал мать.

- Она, что мёртвая? —откинув с головы девушки белое полотно, с удивлением спросила мать.

- Нет, я думаю, она спит.

- Как же надо спать, чтобы до сих пор не проснуться? А ну - ка… — И пожилая женщина внимательно осмотрела красавицу и заплакала. Догадалась старушка, что девушка воском облита и сказала сыну.

-Поди —ка, Бибо, растопи пожарче баню.

Истопил Бибо баню, а мать велит ему туда перенести девушку.

Положила старушка красавицу на лавку и стала парить берёзовым веником. Смотрит, а с девушки закапал жидкий воск, девушка застонала, глубоко вздохнула и открыла прекрасные глаза.

- Где я и как сюда попала? — Тихо молвила она.

Рассказали мать с сыном ей всю правду и предложили девушке жить вместе с ними.

Через некоторое время Кюльджан и Бибо поженились.

Однажды Кюльджан ждала мужа и вышивала у окна. Вдруг увидела, как к дому подошли два человека. Она сразу признала в них родных братьев. А как было не признать? Ведь она так любила своих братьев и очень скучала по ним. Но что с ними случилось? Братья были измучены, оборваны, куда ни глянь, на одежде заплатка на заплатке, дырка на дырке. От жалости у Кюльджан из глаз полились крупные слёзы и капали прямо на подоконник — кап, кап, кап…

Подошли братья к окну, поклонились до земли и просят:

- Пожалей нас, добрая хозяйка, не гони! Накорми, напои, вот уже три дня маковой росинки во рту не держали!

- Входите, входите, люди добрые, гостями будете! Рассказывайте, где вы были, куда ходили, что видели? — Расспрашивает Кюльджан, а сама еду братьям готовит.

- Смотри, как эта молодая хозяйка на нашу сестру похожа, — тихо прошептал старший брат.

- Да я и сам с неё глаз не свожу, если б не знал, что наша сестрица умерла, то подумал бы, что это она.

Кюльджан вкусно и сытно накормила, напоила братьев, истопила для них баньку и дала чистую одежду.

Поблагодарили братья гостеприимную хозяйку и собрались уходить, а Кюльджан их не отпускает.

- Куда, - говорит, - вы, на ночь, глядя, пойдёте? Ночуйте у нас, места всем хватит. И муж мой скоро с охоты вернётся, обрадуется вам. Он у меня добрый и любит послушать рассказы странников.

Братья остались.

Вскоре вернулся Бибо,поздоровался с прохожими и стал беседовать.

- О, почтенный хозяин, и мы когда —то, как и ты были богаты и счастливы. Хорошо жили до тех пор, пока у нас была жива сестра. Мы оба её любили больше всего на свете, - стал рассказывать старший брат.

- Мы не видели девушки красивее её, - подтвердил младший брат, - а доброта нашей сестры была ещё краше её лица. Она, почтенный хозяин, была очень похожа на твою жену. Погубили её наши жёны — злодейки! Как извели они нашу сестрицу, мы до сих пор не знаем. После её смерти, за что не возьмёмся, ни в чём у нас нет удачи! Мы обнищали, разорились и теперь бродим по миру в поисках куска хлеба… — и братья горько зарыдали.

Не выдержало доброе сердце Кюльджан, не могла она смотреть на горе своих братьев и тоже расплакалась. Глядит на них Бибо, не знает, что ему делать и тоже заплакал.

Поплакали они, поплакали, а когда успокоились, тут хозяйка и говорит:

- Братья мои милые, я ваша сестра родная — Кюльджан! Меня спас мой муж, Бибо, и вместе со своей матерью они вернули меня к жизни. Оставайтесь братья жить с нами!

Очень обрадовались братья, что нашли сестру и решили жить все вместе. Теперь каждое утро Кюльджан провожала на охоту уже трёх охотников, долго смотрела им вслед и говорила:

- Счастливой охоты, да поможет вам Аллах!

И Всемогущий не оставлял их всю жизнь без своей благости.

«Я НЕ ЛЮБЛЮ КАПИТАЛИЗМ»

Резо Чхеидзе родился в 1926 году в Кутаиси. В 1946-м окончил Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели, а в 1953-м - ВГИК. Дебютировал документальными лентами, снятыми совместно с Тенгизом Абуладзе. Первый художественный фильм «Лурджа Магданы» был удостоен приза Каннского фестиваля в 1956 году. Среди известных лент: «Наш двор», «Отец солдата», «Саженцы», «Житие Дон Кихота и Санчо», «Свеча с Гроба Господня». Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

Всемирно известному режиссеру и одному из ярчайших представителей советской и грузинской интеллигенции Резо Чхеидзе – 85. Но он по-прежнему полон замыслов и чутко реагирует на все, что происходит вокруг.

- Резо Давидович, почему, на ваш взгляд, у нас царит такой беспредел на экранах? Текут реки крови, не смолкают выстрелы… Где тот нравственный уровень, который сделал славу советскому кинематографу?

- вы абсолютно правы. Даже если советский фильм был плохой, нравственная составляющая в нем все равно была. И это являлось несомненным достоинством советского кинематографа. Сейчас этого нет. Идет какое-то оскорбление русской нации. Именно оскорбление! Показывают, как легко человека убивают. Святое имя Матери уничтожено. Показывают без конца грехопадение женщины: не понятно, с кем жила, от кого ребенок – неизвестно… ужасное впечатление! Причем, снимают примитивно, как фотографию, потом клеят… Сценарий пишут во время съёмки… Нам как бы показывают: вот как легко кино делать! Каждый может…

- То есть сегодня это не искусство?

- Не искусство. А главное – поощряется все это. Вот по телевизору и идут такие фильмы…

- В Грузии так же?

- Нет, в Грузии меньше. Потому что наши телестудии снимают редко- денег не хватает. А то, наверное, такой же ужас был бы.

- У нас говорят, что рынок и киноискусство – две несовместимые вещи…

- Конечно. Правда, когда читаешь записки Чарли Чаплина, то натыкаешься в конце на такую фразу: «Моя картина дала мне столько-то миллионов долларов». Ещё фильм закончил, снова пишет о доходах. А я, например, в жизни не спрашивал и не знаю, сколько денег давали мои картины. Потому что мы ничего кроме зарплаты, не получали.

- Деньги, получается, погубили кино?

- Знаете, может, это и глупо и человеку надо дать свободу, но сама религия не проповедует такую свободу. Наоборот, она держит вас в узде. Утром надо сделать так, потом в течение двух недель, месяца ограничить себя в чём-то. То есть религия держит человека в каких-то рамках… Человек – несовершенное создание. Если ему дать неограниченную свободу, он может и в зверя превратиться, начнёт поедать себе подобных…

- Так куда нам идти? Можете показать дорогу? Или Абуладзе уже всё сказал – к Храму, и никаких гвоздей…

- Я режиссёр и могу только через кино что-то сказать… В Москве уже показали мой последний фильм «Свеча с Гроба Господня». Это как раз для молодёжи картина. Но не только… Как один грузинский парень вёз благодатный огонь на родину. И как он менялся за время пути…

- Значит, всё-таки религия. В этом спасение? Дальше вы не заглядываете?

(Долго молчит.) – Есть сценарий 12-серийного фильма про Сталина…

- Это что, новая трактовка?

- Да, во многом…

- То есть много лжи связано с этой темой?

- Абсолютной лжи. То, что он был таким…

- Жёстким и жестоким?

- Это факт, от этого не уйдешь. Но без этого, знаете, государство не построишь. Он свою жизнь прожил в традициях Ивана Грозного, Петра первого… У нас в Грузии тоже был свой царь Давид Строитель. Два века народ его не признавал! А теперь все считают его великим царём! Кстати, перед тем как умереть, он написал Покаяние. Его похоронили так по завещанию, что когда вы приходите в церковь, то обязательно должны пройти по его телу, его могиле. Он считал себя грешником. Мы не знаем, что о нас скажут после смерти…

- Но вы представляете, сколько будет споров, если вам, дай бог удастся поставить такой фильм…

- Мне кажется, я знаю, как это сделать…

Что значит жестокость? Во имя чего ты это делаешь? Между прочим люди говорят о жестокости, но никто не говорит о его гуманности. Сколько он делал для простых людей, для своих соратников… Особенно во время войны! Там была не только жестокость, но и много отеческого, дружеского отношения. И потом он был человеком религиозным…

- Думаю, многие с вами не согласятся…

- Был такой случай. Когда после революции шли большие гонения на Церковь, он, не желая показать свою симпатию к религии, придумал вместе с Луначарским те самые таблички, которые сейчас широко известны: мол, «памятник культуры, архитектуры охраняется государством». И этим спас множество церквей по всей России. Рассказывают, что как-то шло заседение у Ленина, вбегает возмущённый Троцкий и кричит: «Владимир Ильич, вы знаете, что этот Сталин сделал?!» И бросает ему бумагу на стол об этих табличках. Тот посмотрел и положил под книжку. И ходу не дал…

- Но ваши оппоненты скажу: «А вот в тридцатые годы…»

- По-разному можно трактовать, но, например, известна запись немецкого генерала Гудариана, который наступал на Москву. В какой-то момент Москва была никем не защищена. Когда последние защитники пали, дорога была открыта. И Гудариан вспоминает: «Ч не знаю, почему наши войска бежали. Какая была причина? Обороны уже не было. Бежали от какого-то психологического гнёта»…

Меня еще, знаете, что удивило? Лет 10-15 назад по телевизору показали интервью, которое Константин Симонов в своё время брал у Жукова на даче. Он тогда спросил: была ли у маршала уверенность, что Москву удастся отстоять? И тот ответил: «Пожалуй, нет». Я тогда очень удивился…

Говоря, большую роль в тех событиях сыграла знаете кто? Святая Матрона. В книгах это есть Стали зашёл к ней, она его приветствовала, хотя видела плохо от рождения. Взяла знаменитую сталинскую трубу, ударила ею и говорит: «Москву не оставляй, не уезжай из Москвы!»…

Ещё случай. Я однажды будучи студентом, был на встрече ЦДРИ с писателем Леонидом Леоновы. Который написал роман «Русский лес» и получил за это Сталинскую премию. Так он рассказал такой сюжет. В начале войны гостиница «Москва» была чуть ли не е единственным домом в столице, , который отапливался. Поэтому там жили академики, писатели и так далее. Остальные дома была «холодными». Шла эвакуация, и каждая организация знала, когда подойдёт машина, заберет вещи и поедет на вокзал. К этому времени Леонов написал пьесу «Нашествие», но её никто не брал к постановке, потому что там герой – бывший узник. А они с женой уже знали, что скоро придёт машина и они должны уезжать.

Но Леонов категорически отказался ехать, потому что послал Сталину эту пьесу. Жена ему: «Ты с ума сошёл! Такое положение критическое, а Сталину тольуо и дел, что читать твою пьесу. Немцы вот-вот войдут в город». В это время раздается звонок. Звонит Поскрёбышев: «С вами будет разговаривать товарищ Сталин». Леонов начал объяснять, что его пьесу никто не берет. Сталин его прервал и говорит: «Пьеса великолепная, отнесите её завтра в Художественный театр, они её примут». – «Да они не принимают!» - «Отнесите, примут».

Тут Леонов поворачивается к жене: «Открывай чемоданы, мы никуда не едем. Москва не будет сдана!» А пьесу приняли и поставили, как сказал Сатлин.

- Это будет в вашем фильме?

- Обязательно.

- А кто писал сценарий?

- Кроме меня ещё два человека. Один из них – журналист из партийной революционной семьи. Он очень хорошо знает внутренний мир, этикет верхушки власти. Между прочим, когда торжественно отмечали 70-летие Сталина, я как раз заканчивал учёбу во ВГИКе. Помню, показывали, как его поздравляли, что говорили, но Сталин в ответ ничего не сказал. Ничего! Не поблагодарил даже. Все встали и ушли. Я специально ездил в Белые Столбы, где вся плёнка хранится. Много смотрел. И убедился, что тогда он ни с кем не общался. А когда надевал шинель, сказал Микояну: «Строили коммунизм, а построили казарму»…

- Как сейчас в Грузии относятся к Сталину?

- Плохо. Считают, что для своей родины ничего не сделал. Часть территории отдал другой республике…

- Скажите, как нашим народам жить дальше? Есть у вас рецепт?

- Этой проблемы нет. Это выдуманная проблема. Сейчас руководство Грузии держит американскую линию. Это купленные люди, они не понимают, чем это может обернуться, какое несчастье они принесут своему народу и всему региону.

Очень хорошо сказал наш патриарх Илья II: «Когда утром встаешь, ты первым не солнце видишь, а видишь соседа. Место жительства нам никто не поменяет. Между нами большая граница, и мы должны хорошо относиться друг к другу». Вот пример: сын моей сестры в прошлом году женился на русской девушке, и мы живем в мире и согласии…

- Кого из режиссеров вы считаете самым великим?

- Такой человек у нас один – Чарли Чаплин. Это гениальный человек. И как актёр, и как сценарист, и как композитор… Он, кстати, первым показал, что такое капитализм. Всю его нелогичность, извращённость нравов. Что это болезнь. Помните эпизод, когда машина кормит рабочего человека? Этим сказано многое…

- Получается, у капитализма нет будущего?

- Я не люблю капитализм. Не люблю. Считаю, что единственная дорога – это социализм. Но надо его поддерживать как-то. Китайцы же сделали…

ВОПРОСЫ ЗАДАВАЛ ЮРИЙ ДАВЫДОВ-ЗАВАДА
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» №3 за 2012 г.

Все представленные материалы выложены в свободном доступе на сайте Клуба писателей Кавказа - www.pisateli-kavkaza.ru

На сайте открыты персональные страницы всех членов Клуба писателей Кавказа. Добро пожаловать на наш сайт.

Газета «Литертаурный Кавказ» Межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистарции
ПИ №ФС77-38545 от 18. 12. 2009.

Учредитель – Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа»

САЛИХ ГУРТУЕВ *– главный редактор.*
ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ *- 1-й зам. гл. редактора.*
РАИСА ДИДИГОВА *– зам. гл. редактора.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Муса Ахмадов – чеченская литература, **Гафар Гусейнов** – азербайджанская литература, **Абдулла Даганов** – аварская литература, **Билял Аппаев** – карачаевская литература, **Борис Гусалов** – осетинская литература, **Бадрутдин Магомедов** – кумыкская литература, **Увжуко Тхагапсов** – черкесская литература, **Эседуллах Новразбеков** – лезгинская литература, **Мадина Хакуашева** – кабардинская литература, **Мурадин Ольмезов** – балкарская литература, **Татьяна Кулик** - Краснодар, **Фарида Сидахметова** – ногайская литература, **Лариса Шибзухова** – абазинская литература, **Ваха Хамхоев** – ингушская литература, **Юнус Чуяко** – адыгейская литература, **Елена Петросян** – армянская литература.

Дизайн и компьютерная верстка ***Батитова Лейла***

Адрес редакции
360901, КБР, п.Белая Речка,
ул. Бабаева, 75
e-mail: sgurtuev@mail.ru

Газета отпечатана в типографии «Тетраграф»
360000, КБР, г.Нальчик, пр.Ленина, 33

Заказ №

Тираж 1000